

Алик Палач
Владислава Казимилова

Пятизвездочный бомж

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Скифия
Санкт-Петербург
2011

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Алик Палач, Владислава Казиминова

А45 Пятизвездочный бомж. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2011. — 400 с.

ISBN

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

© Алик Палач, 2011

© Владислава Казиминова, 2011

© ИТД «СКИФИЯ», 2011

Глава главная.

Из дальних странствий возвратясь...

Путь из Рима

Ласковым июльским вечером он сошел с поезда ну очень дальнего следования...

(А вот бывают же любопытные читатели, которые, игнорируя красоты природы и прелести городских пейзажей, сразу начинают сыпать вопросы, вытягивая подробности: какого числа? Какого года? Где было дело? Любителям конкретики, так и быть, сообщаем: июльским вечером 2003 года на Киевском вокзале на пятом пути у платформы №6 поезд «Москва-София» освободился от пассажиров. Одним из этих пассажиров был наш герой. А число, извините, запомнили).

Толпы приехавших и встречающих минут на ...дцать захлестнули друг друга — словно произошел природный катаклизм и смешались волны прилива и отлива. Потом равновесие восстановилось. Чемоданы на колесиках, плетеные фляги, дети, девицы с загорелыми ногами, отдохнувшие отцы семейства, тележки носильщиков пронеслись по перрону к остановкам общественного транспорта, к автостоянкам. Перрон опустел, как берег в отлив. Остался на перроне он один. Замыкавший поток пассажиров уже немолодой лысый мужчина. Радостных возгласов встречающих, выходя из вагона, в свой адрес он не услышал. Девиц и детей с цветами, тем паче, не увидел. Вид у него был несколько помятый, как у давным-давно забытого на чердаке или в чулане, под грудой всякого хлама, чемодана... Только вот чемодана при нем и не было...

На пассажира, по пьянке перепутавшего поезд, он не походил. Еще лет 10–15 назад он, может, и попал бы в поле зрения милиции, но теперь столичные блюстители порядка испытывали больше интереса к лицам кавказкой наци-

ональности и ко всякого рода гастарбайтерам — последние узнавались по разрезу глаз и цвету кожи. Не сказать, чтобы безошибочно узнавались — но безапелляционно. Кавказцев чуть ли не через одного проверяли на предмет причастности к террористам, ну а с приезжих, к примеру, с Украины или Молдовы, на въезде и выезде только очень ленивый страж порядка не брал мзду. Чтобы не ездили тут...

Лысый явно не был ни чеченцем, ни грузином, ни армянином, да и на желающего подзаработать на стройке также не тянул.

Выглядел он не франтом, хотя джинсовый костюм был куплен не на рыночном развале. А только кто там на вокзале будет лейблы сверять... Это если человек с головы до пят сплошной лейбл, сияющий глянецом и благоухающий успешностью вперемешку с ароматическими брэндами, к нему невольно взгляд прилипает с готовным уважением. У нашего героя же физиономия была несколько размыта, будто пил, не просыхая, месяц, и носила печать неудачи. От вокзальных запахов он брезгливо морщился. Но тут, знаете, вам не санаторий с озонатором! Ездил бы в машине с кондиционером!.. А то будут нам всякие гости столицы в потертой джинсе носами крутить — так или примерно так могли бы подумать милиционеры, провожавшие нашего героя взглядами невнимательными и потому безопасными. Не привлекло железнодорожную милицию, и как неторопливый пассажир раз увернулся от тележки носильщика, другой — а на третий чертыхнулся. Потом он бомжиху, что-то спросившую, далеко послал, даже фейс отвернул, когда она к нему обратилась — видно, сильно воняла. Тогда стало стражам порядка очевидно, что этот хмырь — наш до мозга костей, все порядки ведения себя в общественных местах знает. Вот они и отвернулись всем рядом...

А зря! Следовало бы им поломать голову, ктой-то к нам прибыл из Софии? Может, это деловой человек, у которого украли портфель, опоив хозяина алкоголем с клофелинчиком? Или проводник, отработавший ночную смену?

Да нет! Игорь Павлович Смирнов собственной персо-

ной. Так сказать, эмигрант последней волны. Образчик превратностей судьбы.

Если отсчитать всего шесть месяцев назад от столь скромного прибытия в Москву и посмотреть на Смирнова в подозрительную трубу ретроспективы... Я вас умоляю! Кто бы в нем узнал сегодняшнего пассажира без багажа?!

Всего лишь полгода назад Смирнов был миллионером. Владельцем движимого и недвижимого имущества в нескольких странах мира, любимцем стриптизерш Греции, Болгарии, Польши, Италии, Франции, ну и порядочных женщин — без числа...

А ласковым июльским вечером 2003 года он вернулся в страну, в которой родился, учился, дважды женился, дважды разводился. Нет, он не был патриотом до слез в глазах, до рубахи, разорванной на груди: «Р-русский я!». Но так уж получалось, что именно в России рождались идеи, приносящие Смирнову немалые деньги, и именно здесь начинались его авантюрные пути-дороги.

Скажем больше — исключительно в России такие идеи и могли родиться. И нигде больше такие дороги не завязались бы тугим пружинным узлом — точно спящая анаконда...

Приезд на Родину Смирнова не порадовал, несмотря на ласковость июльского вечера. Хоть креативность его никогда не подводила, но в момент, когда он нога за ногу плелся от путей, никаких идей, где жить и на что, у него еще не родилось. И оттого он был зол. Опять же Россия... Забыть ее в путешествиях русскому человеку нельзя, но и видоизменить — невозможно. А это после заграничного лоска напрягает. Смирнову даже оглядываться по сторонам не хотелось. Незачем и протирать глаза. Уж коль ты в России, ты ее не спутаешь ни с Ниццей, ни даже с Прагой, хоть там и гнездятся испокон веков братья-славяне...

Так что беспризорник, стрелявший сигаретку, сразу вызвал у возвращенца недовольство. А какие эмоции подарила ему бомжиха, мы уже говорили.

— Иди, иди...самому мало, — цыкнул экс-богач на беспризорника. Тот, как говорили не мы, но тоже хорошо загнули,

«понял всю беспочвенность своих намеков» и удалился. Непосредственно на сем эпизод «трогательная первая встреча с родиной» следует объявить законченным. Гость столицы перекинул из правой руки в левую целлофановый пакет, порылся в кармане мягких джинсов, вытащил смятую десятидолларовую бумажку и без веры в успех пошел к остановке такси.

— Куда ехать? — таксисты, известно, люди конкретные, лирики и романтизма лишенные с начала истории автомобильного движения.

— На Тверскую...

— И это все, что ты можешь предложить? — Водители вяло морщились, взглянув на американский червонец. — Непонятно тогда, зачем на Тверскую? На такую сумму ты только здесь товар сыскать можешь!

— Ну и пошли вы...

Убедившись в том, что «скромных» запросов московских таксистов политические метаморфозы не коснулись, так как коснуться и не могли, Смирнов уж было собрался вытащить пятидесятидолларовую бумажку. Мыслил-то он еще миллионерскими представлениями, когда десять и пятьдесят долларов почти эквивалентны. Более того, он еще питал странную уверенность, что «стрельнуть с десятков кусков зелени» у своих можно будет без труда. Заем планировался для решения проблем, каких у миллионера, потерявшего состояние, куда больше, чем у пенсионера, проигравшего месячное содержание «однорукому бандиту».

Но до «своих» надо было еще добраться. Потому, что ли, платить втридорога за проезд он не захотел.

Рука судьбы попридержала возвращенца от жеста неуместной щедрости. Это было к лучшему. Ведь Игорь Павлович и не представлял, как за «каких-то» пять лет, что он прожил за границей, изменилась не только Москва, но и вся страна, и психология ее граждан. Милиционеры, бомжи и даже юная вокзальная поросль могли бы просветить вновь прибывшего. Но им это, как мы уже выяснили, не удалось.

Смирнов обвел глазами стоянку. Взгляд привлекла девица неопределенного возраста, склонившаяся над открытым

капотом старенького «Жигуля». Девушка под чумазой физиономией и встрепанной шевелюрой выглядела бывшей блондинкой. Смирнов любил категорию блондинок. Эти женщины существуют для того, чтобы решать проблемы мужчин — в тех случаях, когда не они сами их мужчинам со-здают.

Он подошел и покашлял для приличия:

— Девушка, а у вас карбюратор барахлит... Разменяйте десять долларов на рубли по выгодному для вас курсу.

— Как вы меня достали! Сто человек прошло и каждый советы дает! И вообще полно обменных пунктов.

— Ну не могу я в обменник идти!..

— Фальшивомонетчик? Ваше фото украшает стенд: «Их разыскивает милиция»? — убрала она с носа прядь волос.

— Этого родная милиция от меня не дожидется... Все проще. Странствующий шоу-мэн, вернулся на родину. Хочет побриться, помыться, поесть...

— А что могут шоу-мэны? Может, вы мне зажигание отладите, или вон ту гайку поплотнее прикрутите?

— Эту гайку прикручивать плотнее — нулевой смысл. От дряхлости вообще нет средства. Но я не люблю обманывать женские ожидания. Что еще умею? Все, что хотите. Спеть?

— Не-е, сольного пения с меня на сегодня уже с утра хватило...

— А так? — шоу-мэн скорчил морду — словно откусил лимон, обсыпанный горьким перцем. Зря старался. Девица даже не улыбнулась — потому, что не оторвала взгляда от объекта своего прилежания. Не прониклась, короче, богатой мимикой шоумена.

— Слушайте, идите мимо. Бомзам не подаю, нищим тоже. Валите!

— Ладно вам, девушка, смотрите, какой я милый... Только что из Италии. — Несмотря на нереспектабельный вид, лысый смело встал в позу сенатора Брута, пытающегося вырвать из пупа небесного на голову Цезаря грома и молнии, и завел:

*Я видел древний Рим в развалине печальной
И храмы, и дворцы, поросшие травой,
И плиты гладкие старинной мостовой,
И колесниц следы под аркой триумфальной
И в лунном сумраке гирляндю аркад,
Полуразбитые громады Колизея...*

Два ничейных подростка, открыв рот, остановились и с интересом глядели на странного дядьку. С их стороны прозвучало: «Во, прикалывается!»

... *Великие в добре, великие в разврате!* — с особым чувством произнес чтец. Деввица вроде оттаяла, перестала вытирать тряпкой злополучную гайку... Когда шоу-мэн произнес с чувством: «И кланялся сенат строптивому народу!» — ничейные дети смело вырвали из рук приезжего черный пакет и дали такого стрекача, что догнать их не осталось шансов даже у чемпиона по легкой атлетике.

— Что же вы не бежите, Лермонтов?

— Стихи принадлежат перу Аполлона Майкова, а пакет... Я готов подарить беспризорникам старые шорты и майку с видом Милана...

— Милана... вы под какой лавкой спали, дядя?

— Понимаю: вид у меня отвратный — так то в купе было жарко. Костюм почему-то упал, а на него взгромоздился кто-то из попутчиков. Я спал почти все время, пока ехал, а когда увидел... ну, не голым же было идти.

Игорь Павлович говорил чистую правду.

— А хотите, я вам погадаю?

Удивительно, однако, факт — и сейчас он тоже говорил чистую правду. Большой бизнес — лучшая школа физиогномики.

— Что, странствующий хиромант?

— Нет. Стационарный, исключительно для VIP персон. Для вас даже бесплатно. Вы что-нибудь слышали о связи внешности человека и его судьбы? Вот, хотите, отгадаю, чем вы в миру занимаетесь?

— Н-ну? — приосанилась девица.

— Излом бровей говорит о том, что характер ваш покладистым не назовешь. А по жизни вы кто-то вроде коменданта в общежитии, который чаще всего сам ничего не имеет, но порой становится хозяином положения других людей...

Это сравнение показалось девице обидным, но Смирнову скорее помогло, чем наоборот — вот и пойми этих женщин!

— Ну, чего извращаться-то? Садитесь. Журналист я. А так черт-те до чего договоритесь. И вообще, я сегодня добрая! — крышка капота еще не успела опуститься, а ограбленный беспризорниками чтец уже удобно устраивался на переднем сиденье, пристегивал ремень безопасности.

— Так что там, в Афинах, или мне пора снимать лапшу с ушей? Я вот никак не наберу денег...

— В Афинах древнейшая часть расположена на холмах и как бы возвышается над «молодыми» районами...

— А еще?..

— На площади перед зданием парламента всегда много голубей, зато в национальном парке огромное количество кошек. Там иногда дурно пахнет. А еще одичавших кошек полно в Италии, а точнее в Колизее...

Трогательные и немного наивные вопросы водительницы, начинающиеся словами: «А правда, что...» — умиляли экс-шоумэна. Женщины, с которыми он общался последние десять лет, не задавали таких вопросов. Потому ли, что в жизни их больше интересовали не ответы на вопросы, а цена и тех, и других?..

Впрочем, не исключено, что шофершей двигало профессиональное любопытство.

— А вы, часом, не шпион? — ввернула она как бы между делом. Смирнов с ходу отбил подачу:

— Такие подозрения в мой адрес уже высказывались, но в прошлой жизни... Я тогда во всем даже сознался...

— Ерничаете? А зря. Вот я не пойму — если вы не шпион, то зачем вернулись? Ностальгия замучила?..

— А в милицию не сдашь, если выяснится, что я и правда шпион?

Девушка поразмыслила:

— Нет... Для шпиона вы слишком эксцентричны. Разве что вы шпион, ведущий тройную игру?

— Значит, мы едем в отделение милиции? Зачем же так далеко? Можно было найти точку и у трех вокзалов...

— Черт с вами, живите!

— Я приехал начать все сначала, — торжественно заявил Смирнов.

Девушка засмеялась...

— Все-все?

— Ну... памперсный период развития, надеюсь, повторять не потребуется...

— Что-то вы мне Остапа Бендера напоминаете. Вы, часом, не родственники с турецко-подданным?

— Я его молочный брат. Мы похожи с младенческих лет... Но у меня больше шансов быть востребованным в этой жизни.

— Вы всегда такой самоуверенный? — улыбнулась водитель.

— Нет, я просто уверен в себе. Видите, я еще способен вызывать у кого-то улыбку! Главное отличие между мною и Остапом — проблем, как и на что потратить миллион, у меня давно уже не существует! Также, как и турецко-подданный, я всегда мечтал о великом! — Смирнов правда не стал уточнять, что же мешает ему в жизни достичь цели. Возможно, он просто не счел нужным и возможным делиться сокровенным или просто не захотел заниматься самокопанием.

Тем не менее, Игорь Павлович быстро умел перестраиваться с минора на мажор, особенно когда появлялся повод. Он был из тех, кто веровал: начать все сначала никогда не поздно. Даже если от миллионного состояния осталось семьдесят долларов, а вместо документов в кармане только справка об удостоверении личности, как у эка, и в некогда родной стране ни кола, ни двора....

Дорогая моя столица!

На Тверской, в офисе давней партнерши по бизнесу, приезде встретили с распростертыми объятиями:

— Какие люди! Палыч! Слон наконец-то выбрался из задницы таракана!

Его обнимали, хлопали по плечу. Проявили понимание — сначала отправили в душ, потом налили водки, сытно накормили.

Хозяйка офиса — молодящаяся шестидесятилетняя дама, в прошлой жизни соратница госпожи Фурцевой, искренне радовалась. С гостем были связаны ее лучшие финансовые операции. Например, когда Игорь пять лет занимался в Италии созданием и раскруткой ночных клубов, Галина Николаевна и ее агентство были в доле.

— А помнишь Толю Кускова, менеджера китайского направления? Сейчас директор клуба на Красной Пресне. А Гарика Ушинцева? Он ныне массовик -затейник в одном из Домов отдыха на Планерной. А жена его сейчас в детском санатории работает завучем по воспитательной работе.

— Что так? Такими деньгами крутила...

— Не все выдержали дефолт, будь он неладен: кто-то приболел, кто-то спился, кого-то конкуренты подсадили. Москва теперь не та... Да и мы, как бы, тоже...

Тот, кого называли Палычем, загрустил. Он рассчитывал сходу занять денег и по-быстрому решить свои проблемы. Паспорт русский, в конце концов, надо бы выправить...

— Придется, видно, и мне идти в массовики. Приткнете?

— Легко! В сезон попал. Завтра обзвоним базы отдыха, — пообещала Галина Николаевна. — Что притих? О твоих приключениях в Италии сорока на хвосте принесла. Мы тоже в доле были, когда тебе адвокатов бывшая жена нанимала. Рассказывай, как выбрался...

— За что нижайший вам поклон! С какого места начинать рассказывать? — Палыч с удовольствием опрокинул стопарик беленькой, занюхал корочкой. — Хорошо пошла!

— Политическую подоплеку можешь опустить. Люди Берлускони прижали нас всех. Группы балета, танцовщиц для стрептиз-шоу не получили рабочих виз. Мы пролетели по всем статьям. Счет убыткам сотни тысяч евро. Наших артистов стали гнобить по всей шенгенской зоне. — Галина Николаевна тяжело вздохнула. — Но у тебя же все вроде было неплохо. Кто-то подставил? Джани? Альдо? Ты же их так нахваливал. Может, жадничать стал, отстегивать, кому надо перестал? Все вопросы ведь имеют свою цену...

— Кто ж об этом забудет?.. В Италии взятка — это всего лишь — чаевые повышенного размера. Особенно ставки высокие у федералов. Нас стали прижимать со всех сторон. Копать стали все: налоговая, социальная, эмиграционная — короче все службы. Вот так мы и стали неплатежеспособными...

В этом пункте бизнесумен совсем пригорюнилась — всегда тяжело слушать, почему пошли прахом твои лучшие начинания. Речь шла о крахе сети ночных клубов, услуги которых поражали даже избалованных «дольче вита» латинян. Что, холера дери, порка мадонна, могло случиться с этими значными местами, если кадры готовились по отработанной в России схеме?.. Если нюансами составления договоров с учетом законов Италии и выпускающей стороны занимались грамотные люди?.. Если опыт на этот счет у Палыча и Галины Николаевны был богатейший?.. Если специалисты по сети были не раз проверены различными ситуациями и непредвиденными обстоятельствами?..

Но — против фактов не поперешь. Палыч явился в чужую, по сути, страну разоренным, сидел в чужом офисе, на чужом диване, в чужом белье, а Галина мысленно (в который раз!) подсчитывала убытки и, наклоняясь к нему, тоскливо переспрашивала:

— Так что же у тебя не вышло-то?.. Ты же, вроде, всегда выкручивался?..

От первого лица

— Вроде всегда выкручивались. А тут — раз — и трандец! Наши клубы закрыли. Счета арестовали, обвинили в серьезных налоговых преступлениях. Все это — единым махом. Анализировать все эти дела будем потом, но тюремной статьей для меня сразу запахло. Сами знаете: в Италии даже подарки подлежат налогообложению. А нам там сто-олько всего приписали!.. Началось с того, что девок в стриптиз-клубе за задницу взяли за несоблюдение тамошних законов о стриптиз-клубах. Забрали Джани, потом, через два дня, Альдо.

Я подыскал место, где меня бы никто бы не нашел. Со всеми предосторожностями предупредил жену — у нас с ней на тот момент отношения были дружеско-деловые. Афа успела уехать в Сандрио, в горы, где у нее была своя хореографическая школа... Ну, и, конечно, предупредил Ларису Хабарову. Мы хоть жили уже каждый сам по себе, но были еще общие дела. Как-никак она со мной пять лет колесила из страны в страну. Хорошо, что у нее с адаптацией проблем нигде не бывает. После того, как она снялась у Тинто Брасса, она получила и деньги, и известность. Я ей, по большому счету, уже был не нужен. Она тут же укатила в Венгрию, организовала там свою порно-студию. Но связь мы с ней держали. И если бы не мои женщины, я бы, может, и не сумел вырваться из тюрьмы.

Короче говоря, оказавшись в полиции, Джани сразу сдал всех с потрохами, а со мной поступил более чем подло. Позвонил и сказал, что нам надо встретиться в старом офисе и обсудить, как мы можем спасти наш бизнес, а точнее, то, что еще от него осталось. Я мог бы и не приезжать на ту «стрелку»!.. И никто бы меня не нашел. Я гостил Сан Бенедеттодель Тронто. Местный мафиозник Лео Качинелли был моим другом. И мне всегда у него в поместье был готов и стол, и дом. Под его крышей — во всех смыслах — я надеялся переждать все напасти. Но почему-то я тогда согласился на встречу с Джани, и, как простой, поехал в Милан.

Приезжаю в офис, а меня там уже ждут карабинеры. Под белы ручки подхватили — и в участок.

Обвинение предъявили через четыре часа. Обвинение было подготовлено, как я понял, заранее. Оглашать полный список — долго. В нем были и незаконный бизнес, и неуплата налогов, и работорговля, и сутенерство, и подделка документов, и межгосударственный рэкет.

По итальянским законам обвинения очень серьезные. Там, как я уже говорил, если один человек передавал другому деньги, подарки, то он обязан это продекларировать. В противном случае это рэкет — либо взятки.

До суда меня закрыли в кутузке. В камеру перевели через пару дней, когда в дело включился адвокат, которого наняли Афа и Лариса Хабарова. Спасибо моим женщинам!.. Но только это еще далеко не все, что требовалось... Шли переговоры, и все имело свою цену. В том числе и за условия, в которых я оказался.

Мне повезло в итальянской тюрьме, и не раз. В двухместной камере я сидел с хохлом, с которым мы коротали время за пустой болтовней. А с аборигеном каким-нибудь была бы просто тоска зеленая!.. Да и с французом. Да и с гансом... Я ведь в иностранных языках полный дебил. По-итальянски знаю что? «Пицца», «чинзано», «чао». Да, девушка у них прикольно называется — «рогацца». Не захочешь, а запомнишь — нзамужняя, а уже «рогацца»!..

Что касается камеры... Завидуйте, братья! Очень уж она была приличная. Пожалуй, во много раз лучше, чем наши российские гостиничные номера где-нибудь на периферии. Первое — у нас был телевизор. Кто сказал: в наших тюрьмах тоже телеки стоят? Патриот хренов! Не в тюрьмах, а на зонах нестроного режима. А много ты капэзэ видел с телевизорами? И чтоб еще просмотр передач был разрешен с семи утра до девяти вечера? То-то! Ну, правда, звериный оскал западного капитализма не дает о себе забыть: это удовольствие, телек, оплачивается за счет арестованных. Но разве ж я на комфорте своем когда сэкономил?..

Санузел тоже ничего: унитаза, душ. Ни вони, ни жары, и главное — чисто. Все цивильно. Даже кондиционер. Сейчас будете смеяться: уборку мы делали сами. И гордились, что

дочиста вылизывали свои камеры! Это было не в тягость. Наоборот — повод для физической работы. Вроде как смена деятельности — лучший отдых.

Мы в любое время могли пойти погулять во внутреннем дворе тюрьмы. Там все тоже вполне пристойно. Кто-то играл в волейбол, кто-то в баскетбол. Можно было найти партнера и попередвигать шахматы. Не хочешь — слоняйся себе из угла в угол или читай книги. Библиотека там была хорошая. Русские книги — и те для нас находили. Сиди — не хочу!.. Но — не хотел я!

Мой сосед по камере — Серега, был родом Донецка, детдомовец. Неплохой парень, болтун жуткий, хохмач. Как он рассказывал, всю жизнь что-то воровал, а в основном нажился на кроссовках. Причем в Италии воровать ему нравилось больше. На деньги, вырученные от перепродажи ворованного здесь, — «экспроприированного у макаронников», как он изящно выражался — он сумел купить в России несколько квартир. Если, конечно, не врал. Попался, как рассказал, на какой-то ерунде.

Мы с ним порой так ржали, что охранник делал нам замечания. А время предварительного заключения, между тем, шло. Адвокаты, которых стало уже два, работали — искали лазейки, а я сидел, отдыхал от дел, читал, гулял и общался с хохлом.

Через два месяца отсидки мне за хорошее поведение стали давать увольнительную на двое суток под роспись Афы. Я стал уходить, а потом к назначенному времени возвращался.

Еще немногим позже мои адвокаты вроде как договорились, с кем требуется. Было ясно, что от суда меня избавят только деньги. Заплатить я должен был по всем пунктам обвинения.

Тут мне посчастливилось просто несказанно! Ни одна из девчонок, которые у нас работали, не оговорила меня. Как ни склоняли их приписать мне мордобой, вымогательство и прочее — все отрицали, как Зои Космодемьянские!.. Тут вышло все чисто. Правда, моя заслуга — я никого из подчиненных никогда не обидел. Но ведь это я так думал... Оказалось,

что и коллектив видел во мне хорошего босса. Так что статьи против личности — рэкет, работорговля, вымогательство — отпадали сами собой.

Все складывалось более-менее, за исключением неуплаты налогов. Дело в том, что у нас в договоре российско-итальянского синдиката было записано, что общие налоги выплачивает фирма Джанни Виста, но не указывалось, что я должен был выплачивать восемнадцать процентов за каждый проведенный концерт группы. Подсчитали, что за пять лет эта сумма составила двести семьдесят тысяч долларов плюс еще сто тысяч адвокатам, судьям. Еще объяснили, что если деньги будут выплачены, то все должно обойтись. Дескать, незнание законов, недомыслие, и в худшем случае — я получу только условный срок.

Звоню в Россию, и мои знакомые от моего имени распродают мою недвижимость по России, технику и все, что можно продать. Коммивояжеры снимают деньги со счетов, которые не успели арестовать, и привозят Афе. Она руководит процессом. «Бабла», по нашим прикидкам, должно было хватить. Я готовлюсь выходить на волю. Тороплюсь дочитать любимую книгу — «Финансист» Драйзера — в тюремной библиотеке. Вот мы доверчивые!..

За две недели до суда приходит адвокат и говорит, что меня все равно посадят на пять лет, потому что Джани заявил, что у нас был сговор.

В тюрьме сидеть мне не хочется. Несмотря на чистоту, спортплощадку и библиотеку. Я тоскую. Мы набираем еще пятьдесят тысяч. Они уплывают у нас из рук, но все впустую — будто мы просто открыли форточку и по ветру их...И тогда Лариса Хабарова разрабатывает план — выкрасть меня из тюрьмы. Договаривается с местными мафиозиными. Получается настоящий боевик с погоней. Третьим моим везением было — что план этот удался.

Поздно вечером в тюрьму приходит какой-то мужчина якобы от моей жены. Представляется крупным чиновником города Тирано. Попросту я бы назвал такую шишку замом мэра. Афа появлялась в тюрьме часто. Она женщина инте-

ресная, на нее итальянцы заглядывались и, конечно, запомнили ее. И рады, эстеты, оказать любую услугу такой красавице! И тут вдруг этот посетитель сообщает, что моя жена попала в серьезную аварию, находится в Сандрио в госпитале. Состояние тяжелое, и счет ее жизни идет на часы. Те, кто дежурит по тюрьме, в шоке — сочувствуют прекрасной синьоре. Из участка звонят в госпиталь, там подтверждают информацию, и меня отпускают на трое суток по семейным обстоятельствам. Но едва мы выходим — меня везут на частный аэродром окольными путями. Оттуда на частном самолете переправляют в Сицилию. Причем в том виде, в каком я был в тюрьме: в шортах, в рубашке, сандалиях. На все про все дают с собой всего пятьсот долларов.

Из Сицилии на быстроходном катере меня везут до небольшого острова. Там я несколько дней живу на вилле у грека по имени Масуно. Потом на его яхте неделю плыву к острову Родос. Это было шикарное путешествие — будто я не беглый преступник, осужденный за финансовые махинации, а типичный прожигатель жизни!..

Капитаном был серб, яхтсмен из Белграда. Помимо нас на судне плыли еще три молодые албанки без документов. Югослав по очереди с ними спал. Мне тоже перепало женской ласки... Так, почти весело, без приключений мы доплыли до Родоса. Оттуда меня отправили на теплоходе на Кипр, в Пафос. Пренебрегли при этом нудной формальностью — проверкой документов. А там меня уже должен был ждать человек, с которым опять же договорилась моя умница Лариса. Но я же не знал, кто он!.. Вот и сидел, как сыч, в своей каюте, слушал, как наверху затихают голоса, как люди расходятся. Когда судно опустело, ко мне спустился полицейский из морской охраны. Он провел меня с собой — на всякий случай, чтобы избежать проверки.

В Пафосе я сел на частный двухмоторный самолет и вылетел в Софию. Далее еще проще. Пошел в российское посольство. Расписал там историю о том, как меня обокрали в гостинице в Золотых песках. Туда делают звонок, а на том конце провода подтверждают, что да, такой жил и стал объ-

ектом кражи... Насколько надежную цепь выстроили мои соратники — любо-дорого рассказывать!.. Итак. На основании звонка в российском посольстве мне рисуют справку, подтверждающую личность. Я покупаю на последние деньги майку, джинсы, пиджак, билет на поезд «София — Москва». И здесь... кончаются поруки, спасавшие меня по всей длине цепочки из Европы. Не иначе — умом Россию не понять. Приехать не успел, как у меня сперли на вокзале пакет со шмотками. И, как среднестатистический гражданин, я сел в троллейбус и приехал к вам, — в конце истории зачем-то соврал о своем «транспорте» заморский гость.

Слушатели, медленно, по очереди закрывая рты, только и могли спросить:

— Бурная, Пальч, у тебя биография. Не больно вот так с небес об землю?..

— Где наша не пропадала! — обаятельно улыбнулся Пальч. — Сегодня — пан, завтра — пропал. Я вот подсчитал, что в общей сложности я пропил, просадил, растратил на девок больше миллиона евро. Осталась у меня одна задрипанная квартира в Тунске, и то все документы на нее я давно передал Афе. Алименты-то на Димку я пока выплачивать не смогу. Пусть хоть квартира пойдет в счет моих долгов перед семьей...

Произнеся эту великодушную фразу, он вдруг широко зевнул. И аудитория сразу вспомнила, что человек проделал путь из итальянской тюрьмы, на автобусе, самолете, яхте, поезде, да еще и троллейбусе, и все эти тысячи километров были проделаны по июльской жаре, которая в Адриатике круче московской. Устыдились и приготовили ему переносное ложе.

Однако, несмотря на неподдельную усталость и липучую зевоту (нервную, что ли?), всю ночь Пальч так и не смог заснуть. Он крутился на жестком офисном диване. Вспомнил детство, родителей, женщин, с которыми был близок... И ближе к утру поймал себя на мысли, что словно бы перебирает четки или перед кем-то отчитывается: сколько на его долю перепало хорошего, а сколько плохого...

Глава первая.

С чего начинается Родина?..

Летчики Смирновы

Родители Палыча были финны. В Россию их занесло вихрем советско — финской войны в сороковом году. Анне и Ян были штурмовиками, летали одним экипажем.

Ян — пилот, Анне — штурман.

Во время военных действий в районе линии Маннергейма их самолет был сбит. Раненых летчиков взяли в плен и этапировали под Свердловск. Но в ту пору Советский Союз еще чтит Женевскую конвенцию 1864 года. Имеется в виду милосердная» «Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». Она еще дважды пересматривалась — в 1906 и 1929 году. В 1929 была выработана новая Женевская конвенция об обращении с военнопленными. Но гуманизма в ней по-прежнему хватало (сразу видно, не истинные ленинцы работали над текстом!..) В силу этого женевского гуманизма пленных финских летчиков не расстреляли, а определили работать на асбестовый завод. (Какие люди! — восклицаем мы как на духу! А ведь могли бы — девять граммов в сердце, и — хоть стой, хоть падай!..)

Там-то и случилась у летчиков любовь. Видимо, в пылу боев не до того было... Или просто в небе неудобно этим заниматься, равновесия не удержать?.. Так или иначе, но факт остается фактом: занявшись «мирным и созидательным трудом», не раньше, Ян и Анне разглядели друг в друге ярких представителей противоположного пола. И не только ярких, но и взаимно притягательных...

Молодые люди в плену и поженились, а потом постепенно прониклись идеями марксизма-ленинизма. Да настолько прониклись, что совершенно передумали возвра-

щаться в благодатную Финляндию. Решили, что Советский Союз — это как раз та страна, где будет построено бесклассовое общество, каковое Маркс позиционировал как рай земной и рукотворный.

Правда, там, за линией Маннергейма, у Яна и Анне остались довольно хорошие материальные базы... Но они смело решили пожертвовать ими в счет светлого будущего — точнее, конечно, в счет более прагматичных финских родственников. Может быть, им на какой-то момент показалось, что строительство нового общества — это так романтично? Или они просто читали «Капитал» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» по строчкам, а не между ними, и не знали, что Маркс творил все эти труды, подкрепленный деньгами капиталиста Энгельса?..

Но зато простая русская фамилия Смирновы будет стопроцентно лучше вписываться в новые документы, чем, скажем Диволяйнен!.. В новую жизнь — с новыми именами! Супруги обнялись и браво, как на военном параде, шагнули в мирный и созидательный труд на стройках коммунизма, в жизнь с чистого листа и биографию без «порочащих связей» в прошлом. Анне стали звать Евгенией Ивановной, а Яна — Павлом Ивановичем.

Когда началась Великая Отечественная война, супруги Смирновы написали заявление аж на имя самого Сталина с просьбой направить их на фронт — воевать на стороне советских войск!.. Привели несколько неопровержимых для того резонов. Например, Павел Иванович гордо указал, что с юности увлекался боксом и отличался отменным здоровьем. Прекрасно знал технику, особенно авиационную. Имел опыт участия в воздушных боевых операциях... Стоп-стоп-стоп! Тут уже скользкое пошло... Новоиспеченный Павел Иванович Смирнов, безусловно, обладал массой достоинств, ценных для воина. Так что причина отказать ему от чести воевать и погибнуть за Советскую родину была всего одна. Но стоила тысячи. Плен. Не расставшийся еще с простодушием финского крестьянина, Смирнов даже не

понимал, какого тигра дергает за усы он — да и его верная жена с аналогичной пометкой в личном деле...

Но почему-то этот факт их биографии сочли не то случайностью, не то досадной оплошностью, и высокая честь была предоставлена. Скорее всего, в советской авиации не хватало грамотных авиаторов. А в короткой зимней войне с финнами наши ощутили этот дефицит в полной мере. Превосходство финских летчиков над советскими — в основном, вчерашними курсантами аэроклубов, ориентированных на массовое «выпекание» малоопытных кадров, было очевидным. Финны, получавшие авиатехнику «с миру по нитке», доводили свое владение самолетом до совершенства, являясь одновременно прекрасными пилотажами и тактиками... Гении воздушного боя — Юутилайнен, Винд, Лууканен — и для советских авиаторов были авторитетом. Некоторые их тактические решения разбирались при подготовках боевых операций, изучались курсантами летных училищ. Таких асов, или, по крайней мере, учеников таких асов, мечтал видеть в рядах боевых эскадрилий командующий любой армии. Может быть, поэтому молодых супругов (после проведения разного рода встреч и бесед — но с минимальными для «особых отделов» формальностями) приняли в ряды доблестной Красной Армии.

Из лагеря — уже с новыми документами — Павла откомандировали в Борисоглебское летное училище, а Евгению — в другую сторону, в Питер, на стажировку в НКВД. Она хорошо говорила по-немецки и в спецслужбе нарабатывала навыки переводчицы. Милую, интеллигентную Женю после курсов отправили на службу в одно из подразделений «Смерша».

Чем там пришлось заниматься, Евгения Ивановна позднее никогда не рассказывала своим детям. Видать, насмотрелась на сложности строительства социализма и устранение препятствий с пути красного паровоза досыта. А потому идеалистические представления о Стране Советов и былые восторги финской летчицы сами по себе сошли на нет. Однако поздно было пить «боржоми» (хоть тогда еще

так и не говорили!), сама ведь сделала свой выбор. Дорога назад была отрезана навсегда.

Анне-Евгения утешалась лишь тем, что такая судьба ей была предначертана.

Дочь профессора

В юности Анне подавала большие надежды: прекрасно пела, играла на фортепиано, была лучшим математиком школы. В общем — красавица, умница, добропорядочная лютеранка. Отец ее, известный профессор Хельсинского университета, намеревался отправить дочь продолжать учебу в Англию.

Как-то летом семья поехала в гости к дальним родственникам на хутор. Погода была прекрасная, и Анне отправилась на луг. Набрала букет цветов, присела на травку, стала плести венок. Она то и дело поднимала вверх голову, прикладывая ко лбу ладонь. Где-то высоко-высоко пел жаворонок. «Ну почему человек не может летать? Вот мне бы...», — мечтала Анне, перебирая цветы. Понюхала свой букет — странный сегодня у цветов запах. Он вроде бы и знакомый, и в тоже время какой-то дурмящий. Нет, не от цветов запах!.. Анне подняла голову — а на нее молча смотрела высокая сухопарая пожилая женщина. Глаза колочие, черные, взгляд немигающий. Подбородок будто к крючковатому носу тянется. Седые космы обвязаны по лбу тонким кожаным ремешком. В старческих руках незнакомки корзина с разными травами и кореньями, на поясе — странная веревочка, вся в узелках. И сама женщина кажется древнее матери-Земли, и все на ней такое поношенное, и длинная клетчатая юбка, и кофта истертая — наверное, эту одежку прамактерь Ева себе состряпала после изгнания из Рая...

Сердце Анне вдруг забило, руки сделались влажными, кончики пальцев похолодели, комок сдавил горло. Каким бы образованным ни был ее отец, какое бы светское обра-

зование ни наполняло сознание девушки, — но душа народа, истово верящего в мир Забытых Царств, в богиню дикой природы и лесов Миэликки, в мать болезней Ловьятар и прочих богов и духов, которые никогда не оставляют человека в покое, пересилила разум. Дочь профессора испугалась, как перетрусилась бы невежественная крестьянка — потому что поняла: перед ней колдунья.

Вековая женщина молча постояла над девочкой и, покачиваясь, ушла, унося запах неведомого растения.

С трудом Анне встала и добрела до хутора. Вид у нее был такой, что тетка накапала ей сердечных капель.

Узнав от дочери о встрече на лугу, мать испугалась. Ей рассказывали о бабке-ведунье, которая живет в этих местах. Говорили, что после встречи с ней ни у кого радости не прибывает. Как бы чего худого не вышло для Анне!..

— Ерунда. Бред! — отрезал рационально мыслящий отец. — Это просто старая, выжившая из ума селянка! Боятся ее только неграмотные простолюдины!..

Родственники не стали перечить профессору, но на всякий случай посоветовали сводить Анне в церковь. Мало ли — ведунья могла наслать на девочку порчу, сглазить или пустить за ней по ветру лесных духов, очаровывающих душу, уводящих без возврата...

— На хуторах все знают, что есть люди недобрые, — толковала профессору и его жене тетка, слегка обиженная за «неграмотную простолюдинку». — Такие, что умеют, к примеру, завязывать ветер тремя узлами. Если она на ветер начинает узлы развязывать — чем больше развязывается узлов, тем сильнее будет дуть. А про веревку, что на поясе у старухи, говорят: это, мол, судьба человека, а завязанные на ней узлы — то, что в жизни нас ждет. Это магия такая. И зря вы мне не верите!.. В прошлом году мы к ней за советом ходили, чем бы заняться, чтобы денюжат подзаработать да подкопить. А она достала свой шнурок и сказала, что не о том мы печалимся. Не будет у нас скоро денег, узел на шнурке у нас в том месте не такой завязался, как на богатство. Хотя у нас вроде все было, и корова должна была оте-

литься, и ячмень уродился. Я тогда решила, что бабка умом тронулась. А ночью гроза случилась. Молния попала в крышу хлева. Ливень был страшный, а вся наша живность заживо сгорела!.. Вот только из долгов вылезли! Все, как ведунья предсказала! А вы говорите — бред... Не знаю. — Тетка окончательно обиделась и отвернулась к окну...

А девушка, перепугавшись встречи, самой непонятно, по какой причине — ведь не ей же колдунья разорение предвещала, не ей беды-горести сулила! — до вечера тряслась как осиновый лист. Ночью у нее был сильный жар. Матери пришлось прикладывать к пылающему лбу мокрую тряпку.

Анне в ту ночь приснился странный сон, который она потом вспоминала всю жизнь.

Та самая женщина, которую она встретила днем, наклонилась над ней, провела старческой рукой по волосам:

— Не бойся, меня, Анне, я не упырь. Я травы и корешки разные собираю да людям раздаю. Вот эта тоненькая травинка, посмотри, понюхай... — изящный стебелек ниоткуда клонится к лицу девушки, источает легкий запах, Анне втягивает носом его аромат и запоминает навек. — Она на болотных кочах растет. Кто понюхает ее, тому жизнь его откроется. Надо только сразу набрать родниковой воды и умыться, чтобы потом страхи прошли... — незнакомка снимает с пояса веревочку, и, продолжая говорить, ловко вяжет крючковатыми пальцами разные узелки. То три одинаковых, то шесть, то восемь.

— Ты смелая и добрая девушка, и выбираешь сердцем. От этого вскорости, как собиралась, за море не уедешь. Видишь, узелок легко вяжется, но следующий никак — от дома вдали жить станешь. Суженого на небе найдешь. — Старуха вертит веревочку в руках, завязывает еще несколько узлов, пожевывает сухими темными губами. — В бедности вы с мужем не будете, но и богатства особого не жди. Много тебе дано будет увидеть и узнать, что другим не доступно. И говорить будет нельзя, и изменить ничего не сможешь. Душа твоя будет страдать, и горько тебе от этого будет до кончины. — Ве-

речочка закончилась. Узлы вязать уже нечем. — Смирись. Судьба такая. А счастье твое будет в детях... Прощай. — Старая-старая, и вовсе не страшная, женщина будто тает, а запах ее травы остается. Анне подхватывает из бадьи — откуда она взялась? — пригоршней родниковую воду, плещет на лицо. Ей уже не жутко, не волнительно. Она открывает глаза. Тетка и мать склонились над ней. Мать снимает со лба девушки мокрое полотенце.

— Мама, откуда этот запах?

— Какой запах?.. Тебе что-то снилось, дочка. Жар спал, слава Богу!.. Спи. Завтра домой поедем.

Через неделю после поездки на хутор отец за обедом ел рыбу и подавился костью. Умер на глазах у жены и дочери...

О поездке в Англию теперь и мечтать было нельзя. Анне это понимала. Когда мать собралась продать дом, чтобы осуществить мечту отца, Анне стала такой же принципиальной, как ее покойный родитель — не поеду учиться, не брошу тебя!.. Не стоит того английское образование, чтобы мы лишились крыши над головой!..

Анне не была фаталисткой, но подкорка работала. Не смогла противостоять пророчеству безымянной — для нее — ведуньи.

Дом чуть позже все же пришлось продать, затянуть поясок потуже. Прежних доходов больше не было. И рассчитывать на улучшение не приходилось. Мать уехала на хутор помогать родственникам в хозяйстве. За это те обеспечивали их на зиму овощами и всем, чем были сами богаты.

Анне училась в университете, изучала иностранные языки и с удовольствием занималась в летной школе. Ей казалось, что когда-нибудь летные навыки смогут пригодиться, — и она не ошиблась.

Сын повара

Павел Иванович был выходцем из ингерманландских финнов, испокон веку живших на Невских землях. Семья, имевшая стабильный доход от питейных домов, могла

дать образование детям в Санкт-Петербурге. Павел Иванович, тогда еще Ян, учился в одном из частных пансионатов.

Большой отцовский дом наполняли детские голоса, и финский говор в коридорах и комнатах перемешивался с русским. Ян рос в обеспеченной семье, но его не баловали — как и прочих детей. Роскошествовать было не принято. Ян с ранних лет помогал в трактире то столовому, то повару. Отец видел в нем толкового парня и намеревался сделать сына наследником своего дела.

Революцию ингерманландцы из Ижор поначалу всерьез и не приняли: «Пошумят — успокоятся». Тогда, в семнадцатом, многие надеялись, что народ поиграет в революцию и бросит. Вроде как забава ненадолго — развлечься, позабудь об изнурительной войне, о начинавшемся тут и там голоде, о безвластии в верхах... Но настрой: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем!..» (как пели революционеры в своем варварском гимне) — нарастал, как снежный ком. Те, кого называли «революционными массами», стреляли, да не в воздух, а в людей, убивали бешено, вроде как весело, палили усадьбы. И совсем не задумывались над тем, что нельзя мешать созидателям. В том числе и тем, кто пашет, сеет, выращивает скот. Время шло — но бури не стихали, а усиливались.

Былые оптимисты очень скоро поняли, что с новой властью крепкие хозяева больше теряют, чем приобретают.

Семейство Диволяйнен противилось, как и другие их соплеменники из Ижор, мобилизации в Красную Армию, возмущались против экспроприации лошадей из хозяйств хуторян. Таких недовольных становилось день ото дня больше и больше. Восстание, вспыхнувшее поначалу стихийно, переросло в организованную войну против новых порядков. Большевики не мудрствовали. Материалы о жестокости подавления ингерманландского мятежа только сейчас в России стали предавать огласке...

Тогда, чтобы не оказаться втянутым в бойню, отец Яна увез свою семью в Финляндию, подальше от кровавых со-

бытий. И вовремя — повсеместно начались карательные акции отрядов ВЧК.

Грустил ли Павел Иванович о временах безоблачного детства, или нет, никто не знает. Ничего, впрочем, не известно детям и о его годах юности в Финляндии. Отец рано выучился держать язык за зубами и в каждом чужаке видеть врага.

Уже в семидесятых объявились родственники в Лапландии. До Смирновых дошло письмо младшего брата Павла Ивановича, но тот сразу отрезал:

— Это провокация. Они не могли нас найти. Мы для них погибли еще в сороковом.

И не стал отвечать...

Глава вторая.

Детства моего чистые глазенки...

Дети — цветы жизни

Но ведь провидица посулила Анне-Евгении не только лишения, встречу суженого в небе и чужие края! Она сказала прямо: «А счастье твое будет в детях...» Однако же долго пришлось Анне-Евгении ждать этого счастья...

Детьми Смирновы обзавелись уже после Великой Отечественной. В 1948 году в Берлине родилась Лариса, в 1950 в Постдаме — Владислав, а в 1958, уже в Союзе, в Свердловске, Игорь.

Родители были заняты на службе. За детьми поначалу присматривала немка Эльза. Ее не называли ни прислугой, ни гувернанткой, ни домработницей — просто Эльзой. Она жила в семье с 1947 года. Прибилась к чете офицеров сама в полуразрушенном Берлине. Они, люди от рождения сердобольные, несмотря на всю боевую закалку, приняли ее в «свои». Да и Эльза к Смирновым привыкла, и жизнь сначала в чужой среде, а потом и в чужой стране не стала ей в тягость.

Немка была доброй, но строгой женщиной. Дисциплинированность и собранность были у нее в крови, и все в доме, где она царствовала, шло по строгому распорядку. Никто и не сопротивлялся буржуазной тонности. Это увлекало детей, а родителям навевало ностальгические воспоминания. Для обеда стол накрывали в зале, перед каждым едоком стоял полный прибор, лежали салфетки. Кричать или громко разговаривать во время еды запрещалось. Ели и пили Смирновы на фарфоре, привезенном из Германии. Там, сразу после войны, офицеры оккупационных войск выменивали у немцев за кусок мыла дорогие сервизы, картины, статуэтки. У Смирновых на стенах висели пейзажи итальянских и немецких живописцев, подлинники Серова, Шишкина...

Когда Игорю было года три, Эльзу депортировали. Вся семья плакала в голос, особенно младший, который был привязан к няне больше всех.

Теперь Евгении Ивановне приходилось разрываться между семьей и службой,

где никого не интересовало, по каким причинам товарищ Смирнова не может дежурить у аппарата в ночь.

Дети требовали все больше внимания, а оказывать его было трудно. Мать заваливали работой по переводам с немецкого, финского, французского. Материалы были секретными, и домой брать тексты категорически запрещалось. Матери предлагали, конечно, отправить всех детей в интернат, но женщина отказалась наотрез. Даже когда на время переездов семьи из-за служебных дел Евгении приходилось отправлять ребят в госучреждения, она очень переживала за них. Недовольство руководства озвучивалось: «Не хотите интерната? Вам не нравятся, когда ваши дети находятся в коллективе? Не доверяете советским воспитательным учреждениям, самым совершенным в мире? Пеняйте на себя, товарищ Смирнова!...»

Работы меньше не стало. Скорее наоборот.

Надо было либо «запускать» детей, пусть растут, как трава, либо оставлять службу. Евгения Ивановна решила на второе. Будто до сих пор шелестел в ушах голос ведьмы с хутора: «Счастье твое будет в детях...» А поскольку Евгения твердо знала — от судьбы не убежишь — то и выбрала детей. И с ними счастье. Тем более, что другого, о чем нашептывала ведьма во сне: «Много тебе дано будет увидеть и узнать, что другим не доступно. И говорить будет нельзя, и изменить ничего не сможешь...» — она уже успела хватить с лихвой...

Написала рапорт об увольнении. Вызвали ее на ковер в партачейку. Там — неожиданно для офицера Смирновой, втайне опасавшейся снять погоны, — головой покивали. Куда денешься? Надо пойти навстречу товарищу Смирновой. Война закончилась. Во время всенародной борьбы против фашизма она честно служила трудовому народу. Теперь может себя посвятить воспитанию детей. Ведь семья — это ячейка

советского общества, и от правильного воспитания подрастающего поколения зависит будущее нашей великой страны...

Все официальные речи и напутствия Евгения Ивановна слушала как сквозь сон. Они были далеки от нее. Близко к сердцу теплилась маленькая жаркая радость.

Ячейка общества

Старшие дети не вызывали у родителей особых проблем. Лариса что бы ни делала, — все было правильно, точно по инструкции, хорошо училась, помогала маме-папе, слушалась старших, опекала младших, уважала старость... Картинка из букваря, а не ребенок! Владик старался во всем походить на сестру. Мешало то, что малышом он часто болел. Прошло очень много времени, прежде, чем он избавился от астмы...

Что касается поведения, то, глядя на старших детей Смирновых, можно было позавидовать: эх маме и папе повезло!.. Но в семье не без урода, утверждает народная мудрость. Именно на нее ссылался Павел Иванович, когда младший отпрыск откалывал какой-нибудь новый финт. То есть ссылался каждый Божий день.

Игорь все время делал все не так, как требовали моральные устои семьи. И «бумерангом» получал от чадолюбивых и уравновешенных родителей нетипичные для них кары — за все и сразу. И даже впрок. Так сложилось еще в пеленочном детстве Игоря.

Наверное, можно было родным людям обходиться и без конфликтных ситуаций... Но не получалось. Игорь упорно доказывал, что он — личность, имеющая право на самоопределение. Личность настырно самоопределялась с нежнейшего возраста. Но отец не признавал за личностью такового права. Вероятно, забыл, что он и сам был когда-то ребенком...

Когда Игорь был маленький, трехкомнатная «сталинка», в которой жила семья, казалась ему огромной. Он бегал по ней, как по пустырю, кричал, точно в лесу, шалил, будто один в мире. В удобной, оснащенной тысячами инте-

реснейших вещей Вселенной. Игорь так и понимал: кто-то большой и добрый заготовил для него кучу развлечений и удалился на цыпочках, чтобы не отвлекать мальчика...

Игорь всю пользу пользовался дарами Кого-то. Втихоря вытаскивал картонные самолетики брата из коробки, рисовал на крыльях звезды. Красиво ведь. Владик ревел в голос, глядя на роскошные каляки-маляки, украшавшие фюзеляжи его коллекционных экземпляров. Отстав от брата после строжайших внушений, Игорь снимал с полки коробку с пупсиками сестры и обязательно что-нибудь в пупсиках (далеко не таких неуязвимых, какими казались!) нечаянно портил, даже ломал. Лариса, обнаружив, что без нее кто-то вторгался в ее «кукольный домик» устраивала разборки. Через пару минут воспитательной беседы с сестрой Игорь вопил и держался то за голову, то за место ниже спины, как израненный боец. Жизнь ему казалась просто невыносимой. «Конечно, справиться с маленьким не трудно. Напали!.. — думал ребенок. — А я ведь ничего такого и не делал!..».

Он делал, только не знал по малолетству, как называется его основное занятие. Он все время протестовал. Его наказывали: то ставили в угол, то закрывали в темном чулане, а однажды посадили на подоконник — «чтобы ничего не трогал!». Игорь надулся и от нечего делать стал рассматривать внутренний двор дома. А там все было так, как и во многих дворах начала шестидесятых. Деревянное строение вроде сарая, выкрашенное в белый цвет. На стенке черной краской выведено: «Помойка». Бельевые веревки через весь двор, пацаны, с криком гоняющие мяч. Во — Найда! Какая крохотная сверху! А лает громко, будто рядом с ней стоишь...

Чуть позже Игорь отвлекся от собаки, которая виляла хвостом каждому входящему во двор жильцу и облаивала незнакомых людей, — в форточку залетела муха.

Она жужжала, виясь вокруг паренька, потом, присев на стекло, зашевелила черными лапками. Обманчиво близкая, обманчиво беспомощная... Мальчишка, разумеется, захотел ее поймать. Встал на подоконнике в полный рост, сделал шаг к мухе и ...рухнул на телевизор КВН. Телевизор полетел

в одну сторону, Игорь — в другую, упал попой на трансформатор. Завизжал от боли. Видимо, от порки сына спасло то, что он пострадал в неравной схватке с первым чудом отечественного бытового приборостроения. Из кухни прибежала мать, схватила несмышленища на руки и, покачивая, долго пела какую-то финскую песню, пока Игорь не заснул. Мать притулилась с краешку и тоже заснула. Вставала она рано, а ложилась за полночь. Ей порой и присесть было некогда...

Несмотря на хроническую занятость, Евгения Ивановна помогала Ларисе учить немецкий, с Владиком занималась алгеброй. Но, помогая старшим, положительным ребятам, краем глаза мать всегда старалась держать в поле зрения младшего.

Иногда, чтобы Игорь не слишком увлекался пробежками из одной комнаты в другую, она давала ему карандаш и бумагу и говорила:

— Рисуй по квадратикам человечка. Чтобы получилось, надо много квадратиков. Ты старайся их правильно собрать. Какие квадратики нарисуешь, такой твой человечек и будет.

Тогда еще об нейролингвистическом программировании знали в мире десятки людей, в СССР — единицы. Евгения Ивановна очень бы удивилась, узнав, что психологически грамотно поставила своему непутому «последышу» установку «сделай сам себя!».

Игоря привлекало рисование человечка. Хотелось «вырастить» его сильным, красивым, умным. Мальчик сопел, старался — дело шло туговато. То карандаш ломался, то квадратик в сторону уходил... Родители со стороны радовались: зато парень успокоился и никому не мешает.

Мама пела песни, вторя певцам с пластинок: «А за окном нам пластинка поет и проститься с тобой все никак не дает...». Игорь ей подпевал. Так проводить время им было весело. А уж сказки какие мать рассказывала, таких и в книжках не найти:

— На севере, в далеком лесном краю жили три рода: суо-молайсет, вадьялазет и карьялайсет. Вот заспорили они как-то между собой, чей род должен быть главным.

«Вот мы,— утверждали суомолайзет,— самые лучшие охотники, и молоко у наших коров самое жирное и вкусное».

«А у нас, — спорили вадьялазет, — самая густая рожь родится, и руду мы плавим, из которой серпы, косы делаем. А наши девушки на всех праздниках самые нарядные». И как начнут говорить — их не остановишь...

«Это все верно, — соглашались карьялайсет, — только вот из ржи, что растет на полях вадьялайзет, можно испечь самый пышный и вкусный хлеб только в наших печах, да и молоко, в наших каменках томленное, куда вкуснее, чем у прочих, и мясо оленя умеем лучше всех вялить только мы»...

— Так какой же народ самый главный? — спрашивал Игорь.

— Уж много веков прошло, уж и называть их стали иначе. Суомолайзет— финнами, вадьялайзет — водью, а карьялайсет — ижорами. Да и трудно теперь понять, где точно жили эти три рода, потому что финские охотники предпочитали брать в жены нарядных девушек-водь, а печники-ижорцы не прочь были породниться хоть с финнами, хоть с водью. А теперь вот и водь, и ижоров почти не осталось... Не надо им было промеж собой спорить. Спи, дорогой. Время все расставляет на свои места, потому что когда-нибудь все становится ясно, кто лучший, а кто худший.

— Мама, — спрашивал Игорь, — что же ты замолчала?

— Спи, сынок, я тебе завтра другую сказку расскажу...

Но Игорь не из тех, кого легко «завтраками кормить».

Младший сын любил слушать сказки больше всех, но стоило матери замолчать, как он срывался с места — и давай скакать кавалерийским галопом!.. Или, изображая летящий по небу самолет, взлетать в дальней комнате, а заходить на посадку на кухне. Помимо всего прочего, стрелял из рогатки, плевался, интересовался, что внутри учебников старших детей и из чего сделано то, что едва-едва принесли в дом. Хорошо, что в дом не приносили боевых гранат и селитры...

Родители надеялись, что любознательность Игоря — хороший признак. Думали: это значит, мальчик будет хорошо учиться! Ох, как они просчитались!..

У Игоря из всех наук в почете были только литература, русский, история. И сколько мама с папой ни бились, уровень познаний по точным дисциплинам был очень низким. Родители расстраивались, особенно мама. Она вздыхала, ей чудилось, что бестолковый внук оскорбляет память папы-профессора. А что делать? Говорят, природа на детях отдыхает. Видимо, в этом случае, опровергая законы генетики, она отдохнула на внуке. И вообще, империалистическим законам генетики только-только разрешили исполняться на территории Советского Союза...

Зато старшие дети, словно в пику Игорю, в школе все схватывали на лету. Игорю ставили в пример брата и сестру. Какому парню это понравится?!.. Разве что совсем бесхарактерному дураку.

Из-за вечного соперничества, из-за нудежа родителей «Бери пример со старших!» — с сестрой и братом Игорь пребывал в состоянии холодной войны. Он с ними редко душевно беседовал, ненавидел делиться с ними своим куском, своими игрушками. То, что они, в свою очередь, не хотели давать ему свои «драгоценности»: (Лариска — коробку с фотографиями артистов, Владька — этикетки с танками), Игорь понимал как изо щренное издевательство и остроумно мстил. Частенько Игорь со старшими дрался, особенно с Владиком. Тот периодически закрывал младшего в ванной или в туалете, а там было полно тараканов.

...Насекомые появлялись из сливного отверстия ванной, из-за трубы. Они шевелили усами и выползали на середину ванной комнаты и на стены. Игорю от ужаса и омерзения хотелось плакать, он ненавидел в такие минуты брата, долбил в дверь ногой, орал... С годами Игорь так и не смог смириться с параллельным существованием тараканов. Скажем по секрету — он и до сих бледнеет при виде усаых тварей.

Если родители устраивали «разбор полетов», то старшие дети скромно молчали, опустив головы, а младший огрызнулся, ловчил, врал. Ему за это добавляли, и, как в таких случаях бывает, старшие ехидно злорадствовали. На усмешки

Игорь корчил рожи, показывал кулак. Холодная война шла без надежд на примирение...

Так же Игорь вел себя и в школе. Учителя жаловались. Мама плакала. Отец пытался увещевать. Зачем-то говорил десятилетнему пацану о руководящей роли коммунистической партии, о моральном кодексе строителя коммунизма, о необходимости быть достойным дела Ленина... Отец мог на эти темы говорить часами, гладко, ровно, много. А сын скептически кивал головой. Он почему-то не проникался идеологическими настроениями родителя и не брал на веру слова главы семейства. Кто ж знает, почему? Видно, устами младенца глаголет истина...

В разгорающийся костер сомнений в душе ребенка первые поленья, как ни странно, бросил отец.

Дело в том, что каждый вечер, после того, как дети ложились спать, Смирнов-старший ловил по приемнику вражьи голоса и внимательно слушал (как потом выяснилось, ему полагалось это по штату). Иногда после радиопередач родители вполголоса обсуждали услышанное.

Взрослые всегда недооценивают своих отпрысков. Думают: набегались и спят без задних ног! Думают: им неинтересны взрослые разговоры, это же не о кино или там зверюшках. Думают: а, если и услышат, что они, несмышлениши, поймут?! Зряшная это беспечность. Конечно, редкий ребенок способен проанализировать поведение и разговоры своих родителей на другой день после «открытия». Но детская память порой произвольно фиксирует такие детали, которых папы-мамы потом вспомнить не могут! И уж будьте уверены, что, подрастая, они все припомнят и все по местам расставят! Запоминаются и песни, которые ты в детстве слышал из приемника, и картинки в книжках, и запахи маминых любимых духов, и люди, с которыми родители дружили или ссорились...

Дети Смирновых не были исключением — обожали, тихонько лежа по кроваткам, прислушиваться к разговорам за дверью. Так что Игорю было, откуда набраться «диссидентского» скепсиса.

— Эти письма Аллилуевой навряд ли у нас опубликуют, а жалко... — к примеру, высказывалась мать.

— Ты что, ее оправдываешь? Она же предала своего отца, страну! — кипятился отец. — предала — и оправдывается по вражескому радио!..

— Отец мешал ей жить, как она хотела...

— Но разве это дело — менять мужиков, как перчатки, когда у отца положение первого лица в государстве?! Удивляюсь, как он ее не убил.

— Что ты такое говоришь?! Убить собственное дитя?! Как думаешь, твой отец тебя бы убил?..

— Ты стараешься перевести разговор на темы, которые мы решили никогда не затрагивать. Для своего отца я умер.

— Вот, слушай лучше, как янки говорят о зимней войне. Авиация... Что они знают о том, что было на тот момент у финнов, что у Советов?

— Разведка работала у всех... Ты же знаешь, — отец переходил на шепот. Но куда его дилетантским мерам предосторожности против чутких ушей «последыша»! — Черт его знает, что перепало тогда нам... «Буффало» применяли ведь не только финны, но и британцы... эти самолеты на то время были неплохими... Их перед зимней войной получили около сорока...

— Помнишь, как мы на них «Шпандау» цепляли? Восемьсот патронов на ствол, причем как крыльевые, так и носовые. За бронеспинкой вместо спасательной «надувнушки» устанавливали АРК с кольцевой антенной. Я помню, как трудно было работать, — и мать показывала, как она изворачивалась, чтобы выполнить свою работу в самолете.

— Ну да. Настоящие раскладушки! — смеялся отец. — Шесть самолетов только и успели повоевать. А помнишь, как нас учили: «Ударь и беги»?

— А почему ты тогда отказался пересечь на «ишачок»?

— Да вот тебя встретил... Но если честно, я к машине, как к человеку привязался. У «Буффало» — нежный двигатель. На ночь обязательно зимой его укрывали. Как же мы тогда в морозы «потели»!... Не заводилась машина — и все.

— Ну, ты сел на своего любимого конька! — смеялась мать.

Когда догоняет прошлое

К матери в гости нередко заходила бывшая сослуживица. Это была высокая блондинка, сохранившая, как писали в романах из жизни высшего света, следы былой красоты — Софья Попенова. Иногда она допоздна засиживалась в гостях, особенно если отца не было дома. Если дама была навеселе, то рассказывала одну и ту же историю о том, как она работала на разборе Храма Христа Спасителя в Москве. Отец-дьяк ее за это проклинал.

— Мне же комсомол дал путевку! — заводилась гостья, не замечая, что сетует уже по третьему кругу. — А отец, он в церкви служил! Он по новому закону был идеологический враг! Их всех, Женя, всех тогда забрали... Так мне не хотелось, чтобы разрушили храм. Пошла к секретарю нашей ячейки. Думаю, поговорю, поймет меня, человек ведь. А она, стерва такая, как кочергу проглотила: «Иди,— говорит,— не проявляй малодушества!» А я иконку нашла на развалинах. Все думала: поднять или забросить подальше? Сначала взяла, спрятала дома, а ко мне хозяйский парень стал приставать. Пришел вечером, а я образок спрятать не успела. «Аааа, — говорит,— зачем я только с тобой связался, ты же попадаья!» Испугалась я. А чем комсомолу иконка мешала, а партии храм, Женя? Он ведь такой красивый был. Бабки, веришь ли, плакали навзрыд, когда купола сбрасывали. Люди на коленях молились, хотя милиция гоняла. Я ведь иконку тогда выкинула. Вот и маюсь с тех пор, и душа моя покоя не найдет... А отец мой никакой не враг был, Женя. Ты молчишь? Ты не веришь?..

— Успокойся, хочешь, мы с Владиком тебя проводим? — намекала мать. Не тут-то было!..

— Боженька, Женя, он все видит. Сказано ведь про гинну огненную!.. Забы-ы-ли! В тридцать третьем в каком-то селе под Рязанью выгнали батюшку и служку из храма. Дело было на Ильин день. Молодежь собралась в церкви, устрои-

ла там оргию. А тут недалеко лес загорелся. Ветер сильный был — огонь пошел на село. Женщин-детей едва в рабочий поезд усадили. Но не доехали они — заживо все сгорели.

— Соня, я неверующая... — Евгения Ивановна кривила душой. Но ей не с руки было рассказывать пьяной и болтливой подружке о том, во что она свято верила — о предсказании ведуньи.

— Ну да, ты в партию веришь...это я так. Только я теперь не боюсь. За веру не сажают. Я свое получила. Ни семьи, ни детей. Одна в целом свете. Всю мою родню согнали с места куда-то на Север. Все там сгинули, даже дети малые. В храм я не хожу. А может, мне на коленях ползти туда хочется... Я ведь в том храме пела в хоре. Знаешь, кто регентом последним был в этом храме? Я его сразу узнала и никому не говорила, боялась, что хорошего человека посадят. Он теперь уже умер, и я могу сказать: Александров это был, который красноармейский ансамбль песни и пляски организовал! Думаешь, я вру? Он и песню написал «Вставай, страна огромная»...

— Не болтай лишнего, не надо, Соня, — Евгения Ивановна подходила к Софье, гладила ее по голове и умолкала. Она все знала об этой несчастной женщине. Софья маялась не только отцовым проклятием. Больше она страдала оттого, что жила без согласия с самой собой. А толкали ее на это условия, в которых она оказывалась, да те силы, что в Советском Союзе приняли на себя божественные функции: комсомол, партия.

Во время войны Попенова выполняла особые поручения в тылу врага. Попросту говоря, спала Софья, с кем приказывали: то с высокими чинами в Красной армии, то с командными чинами гитлеровской армии, собирая таким образом «разведданные». Не зная о ее «высокой миссии», обыватели честили женщину проституткой и прочими неблагозвучными словами. Софья не старалась оправдаться перед людьми — а кто она есть-то? Правду-матку в глаза режут люди... Только вот до прихода наших войск в населенный пункт, она старалась исчезнуть, потому что бывало, увидев ее на улице,

набрасывались бабы с кулаками... Одно неосторожное слово разгневанной соседки — и болтаться Софье в петле...

После победы Попену оставили на службе, но применение ей найти никак не могли. И смех, и грех — больше ничего она делать не умела. Бывало, что кто-то из высокого начальства так подковыривал экс-разведчицу, что она потом подолгу рыдала дома в подушку.

Софья запила.

Ее неоднократно разбирали на собраниях, ставили на вид, но ничего не помогало.

Однажды мать взяла Игоря с собой на работу. Посадила его в предбаннике канцелярии на стул, а сама зашла в кабинет начальства, где в этот момент проходило заседание партактива. И в этот момент появилась Попенова, и, не глядя на Игорька, подставила к стене стакан и начала внимательно слушать, о чем говорят за стеной. Потом вдруг прищурилась и — в кабинет, наплевав на запрет дежурного секретаря («Эту — не пускать!»), который как раз вышел от начальства. Шум доносился из кабинета жуткий. Попенова кричала, что она вынуждена была вести распутный образ жизни по приказу партии, что ей противны были слюнявые морды полицаев и приставаания немецких солдат, но она все терпела во имя всенародной цели! И в благодарность за все ее унижения, да за километры ценных шифровок, переданных в Центр с ее слов, партия отворачивается от нее сейчас, когда ей особенно нужна помощь!.. И что пьет она не от хорошей жизни, а от тяжелых воспоминаний! Попробуйте сами, чистенькие, обслужить похотливого, изголодавшегося на марше гитлеровца!..

Но скандалистку выпроводили из кабинета. А потом дружно проголосовали за исключение из КПСС.

Вечером Игорь долго провожал тетю Сою взглядом из окна, когда она с большим узлом и чемоданом усаживалась в машину.

Дома этот вопрос обсуждался родителями бурно. Мать жалела соседку — отец ругал. Говорил, что до такого состояния советские люди опускаться не должны, и роль партработников как раз и заключается в том, чтобы воспитывать у

членов партии строжайшую дисциплину. Дескать, она, Софья, об этом забыла и потеряла над собой контроль. Игорь, конечно же, все слышал.

«Ну почему в жизни все так странно, — думал мальчик. — Что сделала плохого тетя Соня, если все ее так ругают? Иконку выбросила? Но ведь отец говорит, что бога нет. Если за то, что пьет, так дядька из соседнего подъезда через день пьет. Говорят, что он дошел до Берлина. Из всей бригады, с которыми начинал воевать, остался один. Он три раза в неделю наденет пиджак с орденами, выпьет водки и долго воет песнями про землянку, про артиллеристов, которым Сталин дал приказ, про победу, а потом падает возле лавки, на которой сидел, и плачет. Бродя как стыдно ему, что он на войне не погиб, и что его даже ни разу не ранили. Соседи поднимают его и несут домой, и при этом дядьку даже не ругают, а жалеют... А тетя Соня на улице никогда не валяется! И как это — роль коммунистических партработников? И кого они должны воспитывать, если у мамы на работе все уже взрослые?..»

Он пошел с неприятными вопросами к родителям. Те в ужасе поняли, что оказались меж двух огней. Рассказать парню правду значило лишить себя будущего — в карьерном смысле — а то и жизни. Лгать? Но вопросы, которые задал Игорь, показывали: на мякине паренька не проведешь. Родители выбрали позицию «уклонистов». Отправили его поиграть на улицу. И отправляли впредь всякий раз, когда надо было обсудить очередной «загиб» генеральной линии партии. Да еще прекратили шептаться перед сном. А мальчишка, хотя гулять послушно выходил, но, естественно, из принципа не смирился с убогой ролью незнающего. Он стал наблюдать, слушать и читать то, что ему решительно не полагалось, и дружить, с кем настрого запрещалось. Став еще немного старше, вопросы задавать родителям вообще перестал. До того порой любил спросить о неудобном — интересно было глядеть, как родители бьются в конвульсиях... Потом эту забаву отринул, как недостойную. Старался вникать во все сам и делать свои выводы. Родителей оглядывал свысока и снисходительно жалел: темные!..

Результаты не замедлили.

Как раз в год рождения Игоря вышел на экраны кино черно-белый фильм «Мистер Икс». Отличная там фразочка звучала: «Ну, что выросло — то выросло!..» Прямо будто про Смирнова-младшего говорил комик Ярон!.. У ярых коммунистов, сменивших ради убеждений страну и гражданство, подрастал латентный диссидент.

В годы молодости Игоря слова: «По тебе психушка плачет!» — означали далеко не то, что сейчас. Честно говоря, юный Смирнов-третий был на волосок: от психушки, принудительного внедрения в подкорку головного мозга идей марксизма-ленинизма и всех до единого съездов КПСС, Но судьба распорядилась иначе.

Воспитательные моменты

Что касается школы... Нетрудно догадаться, что и там были сплошные проблемы. Но это вовсе не из бессознательного социального протеста. Ларчик просто открывался: учиться Игорю было скучно.

Поэтому на всех уроках он садился за последнюю парту и глядел в окно.

Какому учителю это могло понравиться? Ясное дело — ругали, писали замечания, разбирали на совете отряда — безрезультатно. Попытки матери повлиять на самосознание младшего сына также успехов не приносили. Игорь слушал и обещал, что завтра он все исправит. Но исправить двойку, замечание в дневнике, товарищеское порицание как-то не получалось... Когда количество нареканий достигало критической массы, в дело вступал отец.

Павел Иванович подходил к вопросу принципиально, без выяснений причин и следствий. Игорю полагалось — без лишних дипломатических политесов — или в лоб, или по лбу. Постепенно разборки «отцов и детей» стали напоминать классовую борьбу в отдельно взятой семье.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**